

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЛА СЛАВЯНСКИХ ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ

Просветительство, приобщение славян к православной вере, создание славянской азбуки и книжного языка — в этом уже современники увидели смысл миссии Константина-Кирилла и Мефодия в славянские земли. За великие заслуги Церковь канонизировала их и, приравняв к первым апостолам Христа, назвала равноапостольными святыми. Сохраняя более тысячелетия память о первоучителях, Церковь чествует святых Кирилла и Мефодия в первую очередь как создателей славянского богослужения. Светский мир отмечает их как родоначальников славянской письменной традиции. С конца XVIII столетия, когда зарождается научное славяноведение, исследователи изучают их жизненный путь и наследие. Библиография по кирилломефодиевистике исчисляется тысячами публикаций историков, богословов, философов, филологов. Только теперь стало возможным, соединив знания о многих гранях творчества первоучителей, во всей полноте представить масштаб их великого дела. “И был и буду во веки”, — так “в малых словах” оценил сам Кирилл итог своего короткого (всего лишь 42 года) жизненного пути.

В “Пространном житии Константина-Кирилла” сказано, что Бог воздвиг его учителем для спасения славян, чтобы “не отпали ослаблением, а в истинный разум пришли”. Здесь выражена мысль о том, что миссия учителя состоит в просвещении людей, в наставлении их на путь истины и порядка. Стать учителем можно “приемля бодрость и отменяя леность”. Древнеславянские каноны называют Кирилла “всему миру учителем”, он “прошел города и страны до предела западных земель, просвещая благодатью, как солнце воссиял и силою книг как бы заново родил человека”.

Константин-Кирилл был выделен от рождения, о чем Житие повествует в символических формах: факты его биографии толкуются как знамения. Так, повествуется, что, будучи младенцем, Константин питался молоком только родной матери, это служит указанием на особое предназначение — служить родному племени. Другое предзнаменование — сон, в котором ему является София. Он предсказывает стезю Константина: спутницей в его жизни станет творческое божественное озарение, Премудрость, та что

говорит о себе в Книге Притчей: “Когда он проводил круговую черту по лицу бездны..., я была при нем художницею и была радостью всякий день”. В свидетельствах современников первоучитель славян предстает как выдающаяся личность раннего Средневековья. Просвещенность, широкий кругозор, глубокие знания выделяют Константина-Кирилла даже из среды самых представительных людей его времени. В “Итальянской легенде” говорится, что он был одарен свыше великим смирением и разумом, которым блистал с малолетства. В 14 лет он был приглашен в столицу Византии город Константинополь, чтобы помогать малолетнему царевичу Михаилу III в учении, и благодаря своим качествам пользовался правом “с дерзновением (смело) входить в цареву палату”. Здесь, при дворе, Константин не только стал наставником Михаила III, но и сам совершенствовался во всех греческих искусствах и науках.

Константин-Кирилл получил образование в прославленной школе в Магнаурском дворце у известных придворных ученых Византии: Фотия, который в дальнейшем станет патриархом Византийской империи; Льва, выдающегося византийского математика и астронома; Феодора, Феодегия. Он воспринял глубину и богатство и византийской, и эллинской культуры и смог стать эталоном образованности для своего времени. Таким его вспоминают современники. Анастасий Библиотекарь, хранитель папской библиотеки в Риме, был лично знаком со славянским первоучителем и с его произведениями. В письме епископу Гаудериху Веллетрийскому он называет Константина “премудрым мужем”, “мужем жизни апостольской”, “поистине дивным философом”, “блистательно владеющим красноречием”. Язык поэтических сочинений Константина называет “напевом гармонии”, перевести звучание которого на латинский язык он чувствует себя бессильным. Приведенные оценки показывают нескрываемое восхищение римского филолога поэтическим дарованием Константина-Кирилла. Не удивительно, что и сегодня язык древнеславянских текстов, восходящих к творчеству первоучителя, изумляет безупречной гармонией грамматической и стилистической организации, системой тонко отработанных образных средств.

Царь нуждался в его помощи всякий раз, когда решались интересы Византии, ее Церкви. Страстный приверженец и проповедник христианства, Константин был последователем и почитателем раннехристианских философов, отцов Восточной церкви, прекрасно знал их сочинения и использовал в полемических спорах, в миссионерской деятельности. Подробные цитаты и выдержки

из Библии и богословских сочинений, включенные в тексты речей Константина-Кирилла, показывают глубину его религиозных переживаний, блестящее знание текстов Священного Писания. Никто так, как он, не владел мастерством публичных выступлений, никто не мог устоять перед ним в прениях на диспутах, не мог сравниться с ним в толкованиях текстов Библии, которую он знал практически наизусть. За успехи в диспутах он был отмечен титулом философа.

Михаил III и патриарх Константинопольской церкви Фотий поручают Константину ответственные поездки в соседние страны с целью изложения основ христианской религии и приобщения их народов к христианству. Миссия в славянские земли не была единственной, ей предшествовали поездки в Арабский халифат и Хазарский каганат. К миссиям он долго и старательно готовился: изучал прошлое, культуру и языки тех народов, в земли которых он отправлялся. В поездке в Хазарию, куда он отправился в 857 году вместе с Мефодием, Константин изучал самаритянский и древнееврейский языки, перевел грамматику древнееврейского языка и читал Библию в малоизвестном древнееврейском переводе Аквилы, чтобы успешнее состязаться в диспутах с иудеями.

Поездка Константина-Кирилла Философа в славянские земли состоялась не позднее 864 года и была последней в ряду миссий, осуществленных им по поручению императора Византии Михаила III. Необходимость этой поездки была вызвана появлением в 863 году у Михаила III послов от Ростислава, князя обширного западнославянского княжества Великой Моравии. Согласно “Пространному житию”, Ростислав обращается к Михаилу III с просьбой прислать в Моравию учителей для славян, способных обучать моравских священников богослужению на родном языке. В его письме к Михаилу III говорится: “Хотя народ наш от язычества отказался и принял закон христианский, нет у нас такого учителя, который на своем языке **объяснил бы святую христианскую веру**, чтобы и иные земли уподобились нам. Пошли же нам, владыка, епископа и учителя такого, ведь от вас на все страны всегда исходит добрый закон”. В “Итальянской легенде” более подробно излагаются интересы моравян. Говорится, что Ростислав, услышав о свершениях Философа в Хазарии, направил послов к императору Византии, извещая, что он не имеет такого учителя, который **наставил бы его народ в чтении и истинном законе**, он просит прислать такого человека, который мог бы вполне показать народу **веру, порядок божеского закона и путь истины**.

Для осуществления предстоящей задачи по организации богослужения на славянском языке нужны были переведенные на сла-

вянский язык книги Евангелия, Псалтыри. Перевод Библии на славянский язык требовал последовательного решения комплекса сложных переводческих задач: фонологической – по составлению особой азбуки миссионерского назначения; семасиологической и лексикологической, связанных с отбором и созданием корпуса лексики для перевода Библии на славянский язык; собственно переводческой. А всему этому ряду филологических решений должно было предшествовать богословское осмысление корпуса библейских текстов для вычленения в нем ключевых тем, образов, необходимых для выражения “правой христианской веры”.

Осуществить весь этот многотрудный подвиг мог человек с уникальным опытом и знаниями, какими обладал только Константин Философ. Поэтому царь на соборе лично обратился к Философу с просьбой возглавить миссию к славянам. Примечательно, что в предыдущую поездку к хазарам Михаил III напутствовал Философа словами “Никто другой этого не может **достойно** совершить” (т.е. совершить кто-то может, но Философ совершит достойнее, чем кто-либо). Напутствие перед моравской миссией утверждает исключительность роли Константина-Кирилла в создании славянской письменности: “Дела этого **никто иной совершить не сможет**”. Поэтому обращение начинается словами: “Подобает **тебе** идти туда” (подобает – значит необходимо, необходимо по времени, в древнеславянском **доба** – “время”). “Подобает”, хотя известно, что Константин болен и “утомлен” только что завершившейся поездкой в Хазарию.

Задача создания для славян традиции христианского обряда требовала особого алфавита, который должен был соответствовать одновременно фонетическому строю и славянского языка, и греческого языка, поскольку Библия на славянский переводилась с греческого. Азбука должна была отразить звучание всего славянского лексикона и нескольких тысяч греческих религиозно-философских терминов. Без их использования невозможным оказалось бы выражение всей полноты, всего богатства содержания библейского текста, необходимых религиозно-богословских понятий, терминологическое выражение которых на славянском языке составляло отдельную задачу.

В то время развитой письменности, приспособленной для выражения религиозных текстов, у славян еще не было. Славяне, правда, по словам Черноризца Храбра, имели некоторый опыт использования латинских и греческих букв “без устроения” (т.е. без специальной адаптации под славянскую речь). Но эти приемы записи не могли обеспечить воспроизведения на славян-

ском языке всего богатства текстов Священного Писания, поскольку латинский и греческий алфавиты не покрывают всего обилия и своеобразия звуков славянской речи. “Како может ся добре писати гречески Богъ, животь, чаяние и иная подобная симъ”, — пишет Черноризец Храбр, намекая на отсутствие в греческом алфавите букв для [б], [ж], [ч] и других характерных звуков славянской речи, отличающих ее от фонетики греческого языка.

Разработка азбуки для славянского языка требовала большого напряжения, не только интеллектуального, но и нравственного. Идея ее создания скрывала опасность быть осужденным в еретичестве. Понимая сложность всех предстоящих задач, связанных с созданием алфавита, с разработкой славянского литературного языка, с переводом богослужебных текстов, Константин произносит фразу: “Кто может записать на воде речь, и кто захочет прослыть еретиком?”. В этих словах выражено беспокойство о судьбе предстоящего дела, которое было обречено на столкновение с триязычниками, немецкими и латинскими церковниками, которые признавали богослужение только на трех языках — древнееврейском, греческом и латинском.

Константин-Кирилл преодолел все трудности. Приступая к созданию азбуки, он тщательно изучил звуковой состав славянской речи (того болгаро-македонского говора, носителем которого он сам был). Он стремился к адекватному переводу Библии на славянский язык и к максимально точному воспроизведению в тексте звучания славянской речи. О том, насколько был чуток его филологический слух, свидетельствуют следующие слова, запечатленные в “Пространном житии”: “Если неясный звук издаст труба, кто станет готовиться к сражению? Так же и не знать силы звука, если на языке говорить неясно, будете для собеседника чужестранцем”.

Азбука рождалась как результат напряженного молитвенного поиска. Автор “Пространного жития Константина-Кирилла” пишет: “Решившись, Философ встал сначала на молитву вместе со своими сподвижниками. И вскоре открыл ему Бог все... И тогда он сложил азбуку и начал записывать текст евангельский: Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог было Слово... и прочее”. Обретение новой азбуки для бесписьменного народа Европы воспринималось как чудесное знамение. Весьма показательным, что создание ее передано в тексте “Пространного жития” как акт божественного откровения, как божественный дар, явленный Константину. Он единственный из всех, прежде искавших буквы для славян и не обретших их, по словам правителя Визан-

тии Михаила III, мог создать письмо, обращаясь к Богу “с правдою, умом и без сомнения”.

Филологи мира до сих пор не перестают восхищаться фонологическим совершенством азбуки Кирилла. Это была глаголица. Как алфавит христианского текста глаголица Кирилла служила точному воспроизведению звучания “божественных глаголов” в славянской речи, что и объясняет ее название. В связи с названием первой славянской азбуки следует вспомнить и употребленное Кириллом слово *глагольник*, в значении “переводчик и толкователь священного текста”: “аще ли не будет глагольника да молчит в церкви”. Отсюда глаголица – священная азбука православной церкви.

Теперь мы можем с уверенностью говорить, что глаголица была осуществлена не только как совершенная алфавитная система, точно передающая звуковой состав славянской речи, но и как система христианских символов, т. е. начертания ее подчинены выражению важнейших христианских смыслов. В ее знаках-символах запечатлена картина мира, характерная для своего времени. Знаки ее наделены символическими значениями, связанными с выражением религиозно-христианского мировоззрения. Являясь при этом элементами алфавита, они соединяют свойства фонографии и идеографии. В этом смысле можно говорить, что в первой славянской азбуке реализованы принципы универсальной, “идеальной” знаковой системы, о которой думали как предшественники Кирилла, так и философы последующих поколений.

Современная теория письма подчеркивает также, что сочетание фонографических и семасиографических свойств обеспечивает совершенство графической системы, ее наибольшую информативность, надежность и выразительность. Следует отметить при этом, что глаголица появилась не в результате эволюционного развития какой-то древней письменной системы и не в результате приспособления чужого алфавита, а была разработана в соответствии с творческим замыслом создателем письменности Кириллом Философом, соединение принципов фонографии и идеографии как оптимальный синтез выразительных свойств графической системы в глаголице было предусмотрено специально. В этом, наряду с особой фонологичностью глаголицы, и состоит ее уникальность. В сменившей глаголицу кириллице, сохранившей преимущественно свойство фонологичности, но ориентированной на графическую систему греческого письма, идеографические принципы не были заложены и поэтому в значительной мере были редуцированы символические свойства славянской азбуки.

Запечатленный в первых славянских книгах только что созданный литературный язык обладал всеми достоинствами классического языка – строгой системностью, выразительностью и отточенностью грамматических форм и богатством словаря. Работая над переводами, первоучители формировали лексический фонд славянского литературного языка: отбирали наиболее ценное из ресурсов славянской народной речи, создавали новые слова по моделям греческих слов (калькировали греческие религиозные термины) и включали в словарь необходимые греческие обозначения религиозных понятий. Так в процессе их переводческой деятельности рождался первый книжно-письменный язык славян, который филологи называют теперь старославянским, или, по-другому, древнецерковнославянским.

В дальнейшем все славянские литературные языки, в том числе и русский литературный язык, формировались под влиянием церковнославянского языка, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные модели. Сегодня мы и не замечаем, что такие знакомые слова, как *Божество, Богородица, Воскресение, Вознесение, Рождество, Святой Дух, Троица, благодарность, благословение, добродетель, достоинство, единение, естество, исповедь, милосердие, младенец, отечество, праведность, первоизданный, премудрость, равенство, рождение, совет, учение, учитель, человечество*, – все эти и многие им подобные слова высокого звучания на славянском языке были образованы, впервые произнесены и записаны Константином-Кириллом.

Т.П.РОМАНОВА

Самарский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕКЛАМНОЙ ЭРГОНИМИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Формирование основных компонентов и базовых структурных моделей русских эргонимических названий происходит на рубеже XIX–XX вв. В этот период эргонимы начинают активно использоваться в рекламных текстах, в результате чего возрастает необходимость унификации структуры названий. Объявления, помещенные в Памятных книжках Самарской губернии конца XIX в., отражают большое разнообразие форм выражения одних и тех же